

Григорьев Степан Алексеевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

**РЕТРОСПЕКТИВА
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
КОЛЫМСКОГО РЕГИОНА
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.**

Аннотация:

В статье представлены предварительные результаты исследовательского проекта № 15-11-14003, осуществляемого при финансовой поддержке РФФИ и Республики Саха (Якутия). Рассмотрены некоторые аспекты истории взаимоотношений государственной власти и коренного населения Колымского региона в первой трети XX в. Произведен исторический обзор основных событий, повлиявших на общественное развитие малочисленных народов северо-востока Якутии. Выявлено, что в указанный период произошла существенная трансформация традиционного хозяйства аборигенов, что усилило угрозу их культурной ассимиляции с пришлым населением. В то же время проведенная административно-территориальная централизация создала предпосылки для формирования этнического самосознания у народов, населяющих Колымский регион.

Ключевые слова:

Колымский регион, власть, общество, коренные народы Севера, национальная политика, социальная трансформация, традиционное хозяйство, общественная консолидация.

Grigorev Stepan Alekseyevich

PhD in History,
Research Fellow, Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North,
Russian Academy of Sciences, Siberian branch

**RETROSPECTIVE REVIEW OF
RELATIONS BETWEEN STATE
AUTHORITIES AND INDIGENOUS
POPULATION OF THE KOLYMA
REGION IN THE FIRST THIRD OF
THE XX CENTURY**

Summary:

The article presents the preliminary results of the project № 15-11-14003 implemented with financial support from the Russian Humanities Research Foundation and the Republic of Sakha (Yakutia). The author discusses some aspects of the history of relationship between state authorities and indigenous people of the Kolyma region in the first third of the XX century. The paper carries out a historical review of the main events, which influenced social development of the indigenous peoples of the Yakut North-East. It has been found that during this period there was significant transformation of the traditional economy of aboriginal people, which reinforced the threat of their cultural assimilation with outsiders. At the same time administrative and territorial centralization created preconditions for development of ethnic identity of people inhabiting the Kolyma region.

Keywords:

Kolyma region, authority, society, indigenous people of the North, national policy, social transformation, traditional economy, public consolidation.

Колымский регион, расположенный на северо-востоке России, является местом традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера. Географическая изолированность и удаленность региона определили обособленное развитие населяющих его этносов. Будучи единой исторической областью, Колыма никогда не выделялась в качестве отдельной административной единицы. В разное время ее территории входили в состав нескольких административно-территориальных образований и округов. На данный момент Колымский регион разделен между Республикой Саха (Якутия), Магаданской областью и Чукотским автономным округом.

Территории региона обычно считаются местом компактного проживания эвенов, юкагиров, чукчей, чуванцев, коряков. Иногда к их числу причисляют давно осевших и ассимилировавшихся с местными аборигенами русских старожилов.

К началу XX в. коренные этносы Колымского края представляли собой одну из самых отсталых и обездоленных групп населения Сибири. Налоговая политика государства, экономическое давление пришлого населения и постепенная ассимиляция с соседними народами поставили аборигенное население на грань вымирания. Данные XVIII–XIX вв. свидетельствуют о резком уменьшении численности юкагиров и эвенов. Особенно тяжелые демографические потери данные народы понесли во время эпидемии оспы в 1880-х гг. После эпидемии ясачный налог, взимаемый государством с кочующих на Колыме юкагирских и эвенских родов, не был пересмотрен и стал более обременительным, так как в результате повышенной смертности число плательщиков резко сократилось. Данное обстоятельство послужило прямой причиной для ответной реакции представителей коренного населения, носившей тем не менее легитимный характер.

В декабре 1886 г. представители нескольких юкагирских родов выступили с заявлением к Колымскому окружному полицейскому управлению о необходимости смягчения налогового бремени: «Просить об избавлении нас от платежа за мертвые души, так как во время существования воспенной эпидемии у нас много примерло, и осталось довольно мало, например, в Омолонском роде числилось до ревизии 10 работников, а в настоящее время только 6 работников; у I Омотского рода было 12 работников, теперь 4 работника; во II было 14 работников, теперь 3 работника и в III было 9 работников, теперь 4 работника, за которых мы платим бездоимочно, а так как мы платим за число работников не один ясак, а и прочие повинности по раскладке в настоящее время по малочисленности работников приходится каждому работнику платить довольно крупную цифру» [1].

Аналогичные сигналы поступали от местного населения и позже. Так, в отчете уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием Колымского и Охотского краев упоминается о том, что в 1895 г. юкагиры нижнеколымской части округа доносили, что они имеют 19 наличных работников, а платят за 135 ревизских душ и что выплата столь значительных платежей была для них непосильна [2].

Как можно увидеть, коллективная ответственность за сдачу податей способствовала консолидации коренных жителей Колымы, выражавшейся в подаче петиций и просьб об уменьшении налогового гнета. Такая реакция наглядно демонстрирует, что уже в конце XIX в. представители юкагирских и эвенских родов могли ассоциироваться для выработки общих требований и вступления в диалог с властью.

При этом необходимо отметить, что к началу XX в. население Колымского региона представляло собой несколько разобщенных, не связанных между собой этнографических групп, не имевших как своего названия, так и общего самосознания. Так, согласно наблюдениям краеведа Н.Н. Березкина, изложенным в его историко-этнографическом авторском исследовании «Юкагиры», имело место значительное смешение юкагиров с представителями других народов (русские, эвены, якуты), в результате чего произошла утрата их самобытности и первоначального физического типа [3].

После революции 1917 г. политика в отношении национальных меньшинств претерпела радикальные изменения. Новыми властями закреплялось право наций на самоопределение, легитимизировались органы местного самоуправления и т. д. Традиционный уклад жизни также подвергся радикальным трансформациям, обусловленным постреволюционными реформами, образованием в 1922 г. Якутской АССР и стремлением новой власти изменить структуру расселения, организацию промыслов и административные методы руководства.

Тяжелое положение, в котором находились аборигенные этносы Крайнего Севера СССР, побуждало власти взять курс на оказание им срочной и всесторонней помощи. Для этого в 1924 г. при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) был организован Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), ставший, таким образом, первым государственным органом власти, непосредственно занимающимся проблемами северных народов. Вскоре новообразованное ведомство начало открывать свои филиалы в регионах. В ноябре 1924 г. был образован Комитет Севера Якутской АССР, сыгравший в последующем важную роль в развитии северных районов республики, в том числе и Колымского региона. О степени его значимости говорит тот факт, что с самого начала Комитет возглавил непосредственно председатель Центрального исполнительного комитета Якутской АССР П.А. Ойунский.

Основной задачей Комитета Севера в Якутии было провозглашено оказание материальной помощи народам Севера и проведение мероприятий, направленных на восстановление основных отраслей хозяйства, сильно пострадавшего в ходе Гражданской войны. Комитет содействия как орган правительства координировал деятельность всех советских, хозяйственных, кооперативных и культурных органов и организаций, работавших в районах расселения малочисленных народов Севера.

Деятельность нового ведомства по поддержке малочисленных народов Севера и развитию их традиционных отраслей экономики в целом положительно сказалась на уровне жизни коренного населения Колымского региона. Помимо того что основные отрасли местного хозяйства получили государственную поддержку, деятельность Комитета Севера способствовала развитию хозяйства и культуры народов, а также началу формирования политической культуры у населения.

С момента установления советской власти на северо-востоке Якутии местные жители получили формальную возможность участвовать в обсуждении мероприятий местных органов власти. Так, делегаты от эвенов, юкагиров и чукчей участвовали в работе I съезда Советов Колымского округа, проходившего в феврале 1922 г. В 1926–1927 гг. в кочевых стойбищах прошли выборы родовых Советов, в чьи обязанности входило: защита прав сородичей, поднятие экономического благосостояния и исполнение распоряжений вышестоящих органов, а с 1927 г. добавились и судебные функции [4].

Активное участие коренного населения Колымского региона в проводимых новыми властями мероприятиях позволило им получить представительство в правительственных органах Якутской АССР. В феврале 1927 г. состоялся V Всеякутский съезд Советов, на котором присутствовал делегат от Нижней Колымы Т. Тайшин. В своем выступлении он говорил о тяжелом положении оленеводческих и охотничьих хозяйств и о путях их восстановления и развития. Он просил правительство Якутской АССР «оказать помощь и поддержку населению тундры и найти возможность для снабжения его оружием и огнеприпасами». Излагая просьбы своего народа, Т. Тайшин упоминал о необходимости оказания срочной медицинской помощи, ликвидации неграмотности, урегулирования цен на промышленные и продовольственные товары, а также пушнину и мамонтовую кость [5].

В 1927–1928 гг. на севере Якутии состоялись очередные выборы в местные родовые Советы, которые, по мнению некоторых исследователей, стали проявлением политики развития национального самоуправления кочевых этносов Севера [6]. Представители коренного населения Колымы были делегатами I съезда малых народов Севера Якутской АССР в 1927 г. На съезде были заслушаны доклады о деятельности Комитета Севера при ЦИК ЯАССР, о кредитовании и кооперировании кочевого населения, о переходе на оседлость и др. В 1929 г. были проведены выборы в первый юкагирский сельский Совет. В этом же году в ответ на просьбу местного населения Комитетом Севера были выделены финансовые средства на жилищное строительство в селе Нелемное.

Огромное влияние на характер взаимоотношений государства и коренного населения Колымы оказала коллективизация, начавшаяся в конце 1920-х гг. Именно в этот период хозяйственная жизнь сельского населения Колымы претерпела кардинальные трансформации, что навсегда изменило традиционный образ жизни коренных народов края [7]. В этот период важной задачей, поставленной государством перед местными властями, стало «вытеснение кулачества и частной торговли», что выражалось в перераспределении лучших промысловых участков в пользу коллективных хозяйств, а также в изъятии у зажиточной части населения средств производства (например, охотничьих и рыболовных орудий) в пользу бедных. Уже к 1932 г. 71 % местных хозяйств был охвачен коллективизацией. Это полностью изменило социальную структуру местных этнических групп, а также реконструировало экономические отношения в регионе [8].

В ходе коллективизации 1930-х гг. на территориях традиционного проживания юкагиров было образовано два коллективных хозяйства: «Светлая жизнь» и «Новый путь». Оба колхоза получали от государства различные экономические преференции в виде ссуд на приобретение инвентаря и оленей. Следует отметить, что появление объединенных хозяйств и строительство поселков, повлекшие за собой развитие социальной инфраструктуры, способствовали повышению качества жизни коренного населения, в том числе уровня образования и здравоохранения [9]. В 1931 г. для детей коренного населения в селе Нелемное была открыта начальная школа с интернатом, тогда же был открыт и фельдшерский пункт [10].

В 1931 г. в Якутской АССР проводилось национально-территориальное районирование. Было ликвидировано прежнее административное деление на округа и улусы, вместо них образованы районы. Основная масса коренного населения вошла в Нижнеколымский и Среднеколымский районы, а небольшое количество хозяйств – в Аллаиховский район. Позднее местные родовые советы подверглись реорганизации согласно «Положению о кочевых Советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР», принятому 20.08.1933 г. [11]. Данное Положение устанавливало территориальный принцип административного деления территорий вместо родового, что в свою очередь оказало огромное влияние на трансформацию традиционных взаимоотношений среди местного населения и способствовало укреплению власти местных Советов.

Недолгий период патернализма властей в отношении малочисленных народов Севера, имевший место в 1920-х – начале 1930-х гг., в целом положительно сказался на их развитии. Коренное население Колымы получило возможность образовывать собственные формы самоуправления в виде смешанного национального Нижнеколымского района, созданного в 1931 г., а также собственные руководящие кадры.

Таким образом, переход к оседлому образу жизни, распространение грамотности, нововведения в быту, проведенные в 1920-х – начале 1930-х гг., внесли глубокие изменения в жизнь малочисленных народов северо-востока Якутии, что повлекло за собой различные последствия. С одной стороны, произошедшие нововведения означали коренную трансформацию традиционного хозяйства аборигенов, тем самым повышая уровень угрозы культурной ассимиляции с более многочисленными этносами, с другой, проведенная административно-территориальная централизация в Колымском регионе создала предпосылки для формирования этнического самосознания у коренного населения, позволила малочисленным народам получить гарантированное представительство в органах власти.

Ссылки:

1. Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975. С. 135–136.
2. Там же. С. 136.
3. Цит. по: Сулейманов А.А. Этнографическое изучение юкагиров в первой половине XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11-2. С. 150.
4. Юкагиры (историко-этнографический очерк). С. 138.
5. Там же. С. 141.
6. Астахова И.С. Самоуправление юкагиров Якутии: история становления и современность // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 807.
7. Санникова Я.М., Филиппова В.В. Советская аграрная политика на Колыме: население и хозяйство в 1920–1930-е гг. [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/22/history/sannikova-filippova.pdf (дата обращения: 10.07.2016).
8. ГАРФ. Ф. А310. Оп. 18. Д. 31. Л. 142.
9. Винокурова Л.И., Григорьев С.А. Сельское население Советской Якутии: к вопросу социальной истории Колымского региона [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2015-6/history/vinokurova-grigoryev.pdf (дата обращения: 10.07.2016).
10. Верхнеколымский улус: история, культура, фольклор. Якутск, 2002. С. 181.
11. Об утверждении положения о кочевых советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. // Законы о местных советах. 1930–1933 г. URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13993> (дата обращения: 10.07.2016).

References:

'Approval of the nomadic councils in national districts and regions of the northern outskirts of the RSFSR [electronic resource]: a decree the Central Executive Committee and SNK RSFSR of August 20. 1933' 2016, *Zakony o mestnykh sovetakh 1930–1933 g.*, viewed 10 July 2016, <<http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13993>>, (in Russian).

Astakhova, IS 2013, 'Municipality of Yakutia Yukaghir: history of formation and the present', *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 6, p. 807, (in Russian).

Sannikova, JM & Filippova, VV 2015, 'Soviet agricultural policy in Kolyma: population and economy in the 1920-1930-ies', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 22, viewed 10 July 2016, <http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/22/history/sannikova-filippova.pdf>, (in Russian).

Suleymanov, AA 2014, 'Ethnographic study Yukagirs in the first half of the twentieth century', *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 11-2, p. 150, (in Russian).

Upper Kolyma ulus: history, culture, folklore 2002, Yakutsk, p. 181, (in Russian).

Vinokurova, LI & Grigoriev, SA 2015, 'The rural population of the Soviet Yakutia: the question of the social history of the Kolyma region', *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 6, viewed 10 July 2016, <http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2015-6/history/vinokurova-grigoryev.pdf>, (in Russian).

Yukaghirs (historical-ethnographic essay) 1975, Novosibirsk, pp. 135-136, (in Russian).